

На правах рукописи

Ясеновская Анастасия Александровна

**КУЛЬТ НАБУ В АССИРИИ:
ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И
РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(древний мир)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2019

Работа выполнена в Отделе сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук.

Научный руководитель: **Немировский Александр Аркадьевич**
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Амиров Шахмардан Назимович**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики Института археологии РАН

Александров Борис Евгеньевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира истфака МГУ им. М.В. Ломоносова

Ведущая организация – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита диссертации состоится «_____» декабря 2019 г. в 12 час. на заседании диссертационного совета Д 002.249.01, созданного на базе Института всеобщей истории РАН, по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а, аудитория 1406.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru.

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д.и.н.

Тогоева О.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Тема вавилонского культа Набу в Ассирии исключительно актуальна в силу того, что в последние годы наблюдается большой интерес к изучению культов отдельных божеств. Исследователей неоднократно привлекали разнообразные вопросы распространения и **осуществления** культа Набу как в Ассирии, так и в Месопотамии в целом. Однако эта тема никогда прежде не поднималась в отечественной историографии.

Актуальность данного исследования обуславливается как датой выхода последней специальной работы (единственной в своем роде; 1978 год)¹, так и большим количеством лакун в наших знаниях о проблеме, поскольку до сих пор неясно, какую именно роль играл культ Набу в жизни рядового населения Ассирии.

Объект диссертационного исследования – культ Набу, проникший в Ассирию во 2-й пол. II тыс. до н.э.

Предмет в данном случае составляют различные феномены и стороны жизни ассирийского общества, в которых этот культ проявлялся и исследование которых дает нам возможность судить о его распространении на территории Ассирийского государства (храмы Набу, имена с теофорным компонентом «Набу» и их распространение, ритуалы с участием Набу, государственное почитание Набу и т.д.).

Цель диссертационного исследования – комплексное историческое описание полной, всесторонней картины распространения культа Набу и изучение его разнообразных аспектов во всех сферах жизни Ассирийского государства. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1) определить наиболее древний источник, свидетельствующий о появлении культа Набу на территории Ассирийского государства;

2) изучить динамику распространения имен с теофорным компонентом «Набу» в ассирийском обществе в Среднеассирийский и Новоассирийский периоды;

3) рассмотреть вопросы о профессиональной принадлежности (социальном положении) и родственных связях людей-носителей имен с теофорным компонентом «Набу»;

4) составить полный (насколько это возможно) каталог изображений символа (либо божества в антропоморфном облике) бога Набу в глиптике и скульптуре, включая монументальную (скальные рельефы) и т.д.;

---

¹ Pomponio F. Nabu. Il culto e la figura di un dio del pantheon babilonese ed assiro. Studi semitici 51. Roma, 1978.

5) выявить наличие или отсутствие закономерности в появлении символа Набу в контексте определенных сюжетов ассирийской глиптики, а также возможное существование взаимосвязей между Набу и другими божествами, изображенными на печатях (довольно часто в виде символов);

6) изучить литературные тексты ассирийского происхождения (либо найденные в Ассирии в копиях), посвященные Набу, на предмет его функциональной значимости в I тыс. до н.э.; принять во внимание все прочие письменные источники (переписка, колофоны, списки богов и т.д.);

7) определить курс религиозной политики ассирийских царей в отношении культа Набу на основании царских надписей и строительной программы храмов Набу;

8) выяснить, в каких ритуальных практиках принимал участие Набу в Ассирии в I тыс. до н.э. (*такульту*, праздник *акиту* в Кальху (?), праздник *эшшешу*, ритуал священного брака с Ташмету, празднование Нового года (?) и т.д.);

9) рассмотреть вопрос о взаимосвязи планировки храмов Набу и их ритуальной жизни;

10) решить вопрос о тождественности ритуалов *акиту* Набу и священного брака между Набу и Ташмету, местонахождении их домов *акиту* и спальни;

11) установить последовательность событий во время проведения ритуала *акиту* в Кальху;

12) выяснить характер взаимосвязи между праздниками и церемониями *акиту* Набу, *эшшешу* и *нубатту*;

13) изучить вопрос о возможной связи культа Набу с деятельностью ассирийского царя или престолонаследника;

14) рассмотреть хозяйственную деятельность храмов Набу в Ассирии (выдачи зерновых кредитов);

15) составить список храмового персонала (известного на сегодняшний день) и изучить вопрос о взаимоотношениях персонала храма Набу в Кальху с персоналом храма Нинурты в Кальху;

16) на основе всех изученных источников проследить динамику распространения культа Набу в Ассирийском государстве;

17) разграничить официальную доктрину, выраженную в источниках царского происхождения (царские надписи, международные договоры, стелы, скальные рельефы, храмы Набу), и «народный» культ, отразившийся в источниках массового характера (глиптика, данные просопографии); определить степень их взаимовлияния.

Хронологические рамки исследования определяются временем бытования культа Набу в Ассирии от самого раннего периода существования до падения Ассирийской империи (612 г. до н.э.). Что каса-

ется первичной точки отсчета появления культа Набу в Ассирии, то вопрос этот несколько более сложен. Ранее считалось, что первым свидетельством является строительство храма Набу в Ашшуре Салманасаром I (XIII в. до н.э.). Однако, как будет показано, начало распространения культа на территории Ассирии имело место существенно раньше и выявляется по данным просопографии XIV в. до н.э.

Методология и методика исследования.

Научная методология данного исследования основывается, прежде всего, на системном подходе к изучаемому явлению и принципе историзма, предполагающем комплексное изучение всех аспектов культа Набу в контексте их непрерывного развития в течение всего периода его существования на территории Ассирийского государства.

Автором широко использовались различные общенаучные методы: индукция и дедукция, обобщение, анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, аналогия, сравнение. Кроме того, при изучении древних источников были использованы специальные исторические методы. В рамках изучения массовых источников (просопографические данные, глиптика) очень важную роль играют типологический метод и метод статистического анализа. Эти методы позволили, к примеру, проследить динамику популярности культа Набу в слоях рядового населения Ассирии на протяжении почти 1000 лет, а также разработать типологию сюжетов, в контексте которых наиболее часто встречается символ Набу. Помимо данных методов обширно используется метод искусствоведческого анализа.

Сравнительно-исторический метод очень важен при исследовании и реконструкции различных явлений древности, к примеру, при сравнении различных ассирийских ритуалов (*акиту*, празднование Нового года и т.д.) с их вавилонскими прототипами и т.п.

Наиболее важными методами стали причинно-следственный и диахронный анализ. Диахронный анализ использовался при создании общей таблицы распространения культа в периоды правлений царей, которыми датируются известные нам источники, и при последующем анализе на ее основании.

Проблемно-хронологический метод позволил проследить в историческом развитии официальный курс религиозной политики Ассирийского государства в отношении культа Набу на примере царских надписей.

Что касается исследования ритуальной стороны культа Набу, то на сегодняшний день первостепенными остаются задачи реконструкции последовательности ритуальных действий и выявления их значения с помощью сравнительного анализа различных текстов (в некоторых случаях и других типов источников, к примеру, изобразительных).

Для достижения цели исследования был задействован широкий **комплекс исторических источников**, который можно условно разделить на три группы: 1) материал изобразительных источников; 2) сведения письменных источников (в том числе, просопографические данные); 3) археологические данные: планы зданий.

К изобразительным источникам можно отнести ассирийскую скульптуру и огромное количество памятников глиптики (цилиндрических и штамповых печатей), на которых был изображен символ Набу (стиль для письма или стилизованный клин) или сам бог (что происходило крайне редко).

Просопографические данные (данные о родственных связях и профессиях людей-носителей имен с теофорным компонентом «Набу») – это источник ценнейшей информации по проблеме распространения культа Набу в Ассирии. Просопографические данные позволяют выявить уровень популярности имен с теофорным компонентом «Набу» среди населения в зависимости от города и периода, а также социальное положение (профессии) носителей имен с данным компонентом.

Сохранилось большое количество ассирийских текстов (созданных ассирийцами или найденных на территории Ассирии) самых разнообразных жанров, в которых упоминается Набу. Среди них: литературные тексты, посвятельные надписи, царские надписи, царские договоры, приветственные формулы писем, в том числе царских, колофоны писем, списки богов, список храмов города Ашшура и прочие ритуальные тексты, письма из царского архива, документы о дарениях храмам, докеты с записями о выдачах зерновых кредитов (долговые расписки), документ с записью о размещении меди в святилищах храма Набу в Кальху и измерениях статуй для храмов Набу перед покрытием золотыми листами, Ордалия Мардука, тексты, посвященные ритуалу *такульту*, текст с описанием строительного ритуала, культовые комментарии, гемерологические компендиумы.

Археологические данные (планировки зданий) важны для выявления ритуальной функции храмов с помощью сопоставления с материалом письменных источников. В этой сфере для нашей темы существенна, прежде всего, планировка храмов Набу в Ашшуре, Кальху и Дур-Шаррукине, которая известна благодаря сохранившимся фундаментам зданий. Планировка храма Набу в Ниневии, к сожалению, нам практически неизвестна, поскольку храм Набу был полностью разрушен в 612 г. до н.э.

Степень научной разработанности темы.

Култ Набу являлся основным объектом исследования масштабной работы Ф. Помпонио «*Nabû. Il culto e la figura di un dio del Pantheon*

babilonese ed assiro»². В ней Ф. Помпонио рассмотрел основные вехи распространения культа на Древнем Ближнем Востоке, начиная со Старовавилонского и заканчивая персидским (и более поздним – приложение II) периодом. Интересующие диссертанта главы первой части (глава IV, V, VII) содержат предварительный анализ основных источников: Набу в царских и официальных надписях Среднеассирийского и Новоассирийского периодов, приветственных формулах в письмах, ономастике. По мнению Ф. Помпонио, древнейшие свидетельства должны датироваться временем правления Салманасара I³. Также автор рассматривает основные храмы Набу в Ассирии, в том числе в Телль-Халафе. Вторая часть (главы IX-XI) посвящена письменным источникам. Ф. Помпонио перечисляет все известные ему тексты, посвященные Набу (глава VIII), на основании которых анализирует его различные аспекты и характеристики и связи с другими богами (в основном с Эа и Мардуком). Главы IX-XI построены по тематическому принципу. Автор уделяет внимание следующим характеристикам Набу, представленным в письменных источниках: божество письменности; божество мудрости; сильный и воинственный бог; бог растительности и ирригации; божество света и ночи; Набу как астральное божество.

В целом можно сказать, что проблемы распространения и бытования культа Набу в Ассирии затрагивались в данной работе довольно кратко⁴. Даже учитывая монографию Ф. Помпонио, все еще существуют довольно обширные пробелы в нашем знании заявленной темы. Так, лишь поверхностно был исследован вопрос о распространении имен с теофорным компонентом «Набу»⁵. То же самое касается и печатей с символикой Набу. Вопрос о появлении тех или иных символов в контексте разнообразных сюжетов на цилиндрических печатях вообще не привлекал особенного внимания специалистов в силу того, что с большой степенью вероятности их появление могло быть случайным и не зависело от сюжета печати, а количество источников исчисляется сотнями, если не тысячами.

За исключением вышеуказанной работы проблемам культа Набу посвящались краткие параграфы в монографиях или статьи. В их числе следует отметить главу V в монографии Б. Понгратц-Ляйстен «Nabukult und Königsideologie. Zur Rolle des Königs während der Götterprozes-

---

² Pomponio F. Op. cit.

³ Pomponio F. Op. cit. P. 72.

⁴ Pomponio F. Op. cit.

⁵ Pomponio F. Op. cit. Pp. 72-75; 88-92.

sion»⁶ и очень краткий экскурс 9 Г. Вера Чамасы «Der Nabû-Kult unter Asarhaddon»⁷. Г. Вера Чамаса предполагает, что целью политики Асархаддона в сфере культа Набу являлась компенсация пренебрежительного отношения его отца Синаххериба к вавилонским культам⁸. Также следует отметить две статьи, посвященные Набу, в RLA. Одна из них написана Ф. Помпонио и представляет собой краткое описательное изложение фактов и положений, приведенных им в монографии, однако с учетом позднейшей литературы⁹.

Иконографическая составляющая культа Набу очень кратко рассмотрена Ф. Помпонио в приложении к основной части монографии о божестве (приложение I)¹⁰. Статья У. Зайдль рассказывает об изобразительных источниках и археологических данных о храмах Набу в Ассирии¹¹.

А. Аннус довольно подробно рассматривает ритуальную сторону культа Набу в ассиро-вавилонский период в рамках изучения культа Нинурты¹². Согласно его концепции, многие явления поздней эпохи объясняются через шумерские представления о Нинурте. В частности, так объясняется роль Набу в вавилонском новогоднем ритуале *акиту* (божество, вручающее скипетр царю), роль Набу как хранителя таблицы судеб, а также священный брак между Набу и Ташмету / Нанайей.

Что касается работ по изучению письменных источников, посвященных Набу, то наиболее часто мы имеем дело с их публикацией, комментариями и кратким анализом (в основном, это издания гимнов и молитв). Таковы комментарии Р. Брюннова¹³, Э. Эбелинга¹⁴, В. Лэм-

---

⁶ Pongratz-Leisten B. Ina šulmi īrub. Die kulttopographische und ideologische Programmatik der akītu-Prozession in Babylonien und Assyrien im I. Jahrtausend v. Chr. Mainz am Rhein, 1994. P. 93 слл.

⁷ Vera Chamaza G.V. Die Omnipotenz Aššurs: Entwicklungen in der Assur-Theologie unter den Sargoniden Sargon II., Sanherib und Asarhaddon. Alter Orient und Altes Testament 295. Münster, 2002. P. 207 слл.

⁸ Ibid. P. 210.

⁹ Pomponio F. Nabû. A. Philologisch // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie (1998). Pp. 16-24.

¹⁰ Pomponio F. Nabu. Il culto e la figura di un dio... P. 213 слл.

¹¹ Seidl U. Nabû. B. Archäologisch // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie (1998). S. 24-29. 1998.

¹² Annus A. The god Ninurta in the mythology and royal ideology of Ancient Mesopotamia. State archives of Assyria studies 14. Helsinki, 2002.

¹³ Brünnow R.E. Assyrian hymns // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie 4 (1889). S. 1-40; 225-258.

¹⁴ Ebeling E. Ein Loblied auf Nabû aus neu-assyrischer Zeit // Die Welt des Orients. Wissenschaftliche Beiträge zur Kunde des Morgenlandes 1 (1952). S. 476-479.

берга к табличкам из Султантепе¹⁵, к молитве из Хорсабада¹⁶, мифу о 21 «примочке»¹⁷, Й. Пинкерт к некоторым гимнам и молитвам¹⁸, В. фон Зодена к большому гимну¹⁹.

Подробный сравнительный анализ структуры храмов Древней Месопотамии (в том числе ассирийских храмов Набу) приведен в работе Э. Хайнриха²⁰. Как и Н. Постгейт (см. ниже), Э. Хайнрих считал, что все ассирийские храмы Набу при формальном несовпадении планировочного решения концептуально похожи: все они состояли из двух целл и комплекса помещений, которые, возможно, включали в себя «тронный» зал.

Следует также выделить спорный вопрос о существовании храма Набу в Ашшуре до Син-шарру-ишкуну. Дж. Новотны высказывает предположение о том, что впервые храм Набу в древней столице был построен только при Син-шарру-ишкуне, а надпись цилиндра А, упоминающая Салманасара I, Ашшур-реш-иши и Адад-нерари III, представляет собой раннюю редакцию с неверной интерпретацией найденных строителями Син-шарру-ишкуну закладных надписей, которые должны были относиться к храму Иштар²¹.

Очевидно, что внутренняя планировка храма была в наибольшей степени продиктована культовыми необходимостями и ритуалами, которые проводились в этом пространстве. Одним из наиболее дискутируемых являлся вопрос о расположении дома *акиту* Набу в городе Кальху. Н. Постгейт считал, что строение храма Набу в Кальху (а вслед за ним и в Дур-Шаррукине и, возможно, в Ашшуре) позволяет предполагать расположение дома *акиту* (а точнее, домов *акиту*) непосредственно внутри храма²². Вслед за Н. Постгейтом подобную точку

---

¹⁵ Lambert W.G. The Sultantepe tablets: a review article // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 53 (1959). Pp. 119-138.

¹⁶ Lambert W.G. Literary style in first millennium Mesopotamia // *Journal of the American Oriental society* 88 (1968). Pp. 123-132.

¹⁷ Lambert W.G. The twenty-one "poultices" // *Anatolian studies* 30 (1980). Pp. 77-83.

¹⁸ Pinckert J. Hymnen und Gebeten an Nebo. *Leipziger semitistische Studien* 3/4. Leipzig, 1920.

¹⁹ Von Soden W. Der grosse Hymnus an Nabû // *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 61 (1971). S. 44-71.

²⁰ Heinrich E. Die Tempel und Heiligtümer im alten Mesopotamien: Typologie, Morphologie und Geschichte. Bd. 1-2. Deutsches Archäologisches Institut. Denkmäler antiker Architektur 14. Berlin, 1982.

²¹ Novotny J. The Sin-šarra-iškun stone block inscription in the Aššur site museum: a revised edition and notes on the Nabû temple at Aššur // *KASKAL: rivista di storia, ambiente e culture del Vicino Oriente Antico* 11 (2014). Pp. 163-164.

²² Postgate N. The *bit akiti* in Assyrian Nabu temples // *Sumer* 30 (1974). Pp. 51-74.

зрения высказывают Д. и Дж. Оатс в книге о Нимруде²³. Б. Менцель также придерживалась мнения о расположении дома *акиту* в храме Набу²⁴.

Новые теории выдвинули Б. Понгратц-Ляйстен²⁵ и Э. Джордж²⁶. Б. Понгратц-Ляйстен считала, что храмы Набу были непосредственно связаны с царским ритуалом в Ассирии. Дополнительные целлы NTS 1 и NTS 2 и «тронный» зал (а также сопутствующие помещения) она интерпретировала как храм Набу *ша харе*, в котором проходила инвестирующая и реинвестирующая деятельность царя и сына царя в ранг престолонаследника.

Э. Джордж предположил, что храмы Набу в Кальху, Дур-Шаррукине и Ашшуре (а именно их дополнительные комплексы помещений) могли выполнять функцию административного учреждения по копированию и хранению различных государственных документов.

Также много работ посвящено обряду священного брака. Практически каждый из исследователей считал своим долгом реконструировать последовательность событий ритуала: Ф. Помпонио описывает священный брак в главе VII (параграф 3); реконструкция занимает важное место в работах Н. Постгейта²⁷, Д. и Дж. Оатс²⁸; Э. Мацushima посвятил этому вопросу целую статью²⁹; Б. Менцель заостряет внимание читателя на празднестве, совершаемом во время проведения ритуала священного брака Набу и Ташмету (когда приносят жертвы ученики писцов)³⁰; Б. Понгратц-Ляйстен отмечает, что в текстах о священном браке нет указаний о его связи с *акиту*³¹; М. Ниссинен рассматривает ритуал с точки зрения культурологического подхода, сравнивая особенности изложения текста с ветхозаветными источниками (Песнь песней)³².

---

²³ Oates D., Oates J. Nimrud, an Assyrian imperial city revealed. London, 2001.

²⁴ Menzel B. Assyrische Tempel. Bd. I. Untersuchungen zu Kult, Administration und Personal. Studia Pohl: Series Maior 10/1. Rome, 1981. S. 98-99.

²⁵ Pongratz-Leisten B. Op. cit.

²⁶ George A. Sennacherib and the tablet of destinies // Iraq 48 (1986). Pp. 133-146.

²⁷ Postgate N. Op. cit. P. 57 слл.

²⁸ Oates D., Oates J. Op. cit. P. 119 слл.

²⁹ Matsushima E. Le rituel hiérogamique de Nabû // Acta sumerologica 9 (1987). Pp. 131-175.

³⁰ Menzel B. Op. cit. S. 99.

³¹ Pongratz-Leisten B. Op. cit. S. 98.

³² Nissinen M. Love lyrics of Nabû and Tašmetu: an Assyrian song of songs? // Dietrich M., Kottsieper I. (Hrsg.). Und Mose schrieb dieses Lied auf. Studien zum Alten Testament und zum Alten Orient. Festschrift für Oswald Loretz zur Vollendung seines 70. Lebensjahres. Münster, 1998. Pp. 585-634.

М. Мэллоуэн, Д. Оатс и Н. Постгейт также пытаются разрешить вопрос о местонахождении спальни, где происходит ритуал священного брака между Набу и Ташмету.

Хозяйственная деятельность ассирийских храмов Набу – довольно плохо освещенная источниками область. Сфера выдачи зерновых кредитов рассматривается издателем текстов на докетах Б. Паркер³³, а также Б. Менцель в монографии, посвященной ассирийским храмам³⁴. Н. Постгейт огласил предварительные результаты работы над коллекцией текстов на докетах, составляющих часть публикации нового тома текстов из Нимруда [СТН 6], на Дьяконовских чтениях 2016 года³⁵.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые был рассмотрен процесс распространения культа, пришедшего из Вавилонии, на территории Ассирии. Также научная новизна работы обеспечивается отсутствием масштабных исследований культа Набу в Ассирии в предшествующий период (и практически полным отсутствием в отечественной литературе). Обширный труд Ф. Помпонио был посвящен развитию и распространению культа Набу в Передней Азии за все время его существования, однако обширность предмета исследования закономерно повлекла некоторую поверхностность. Помимо этого исследования на сегодняшний день не существует работ, посвященных культу Набу в Ассирии во всем его многообразии.

Актуальной остается задача синтеза и сравнения данных всех доступных типов источников, с учетом, в частности, того обстоятельства, что один и тот же феномен мог быть освещен одним образом в источниках царского происхождения, и совсем иным – в массовых, а также мог существенно по-разному отражаться в разных видах даже официальных царских текстов (например, анналистических и религиозных).

Отличительная черта данной работы состоит также в том, что автор постарался рассмотреть как можно более полно и письменные источники, и иконографические, что до сих пор не было характерно для работ, посвященных изучению того или иного культа³⁶. Все они были проанализированы как проявления единого процесса распространения

---

³³ Parker B. The Nimrud tablets, 1952: business documents // Iraq 16, No. 1 (1954). Pp. 29-58; Parker B. Excavations at Nimrud, 1949-1953: seals and seal impressions // Iraq 17, No. 2 (1955). Pp. 93-125.

³⁴ Menzel B. Op. cit. P. 101.

³⁵ Postgate N. The Nabû temple at Kalḥu and its clientele // Козлова Н.В. (под ред.). Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (1915-1999). Труды Государственного Эрмитажа ХСV. Санкт-Петербург, 2018. С. 165-179.

³⁶ Annus A. Op. cit.; Van Driel G. The cult of Aššur. Assen, 1969. Исключение – работа А. Грина, посвященная богу грозы [Green A. The storm-god in the Ancient Near East. Winona Lake, 2003].

вавилонского культа в Ассирии. Кроме того, были найдены источники, ранее не рассматривавшиеся в рамках изучения культа Набу и позволившие получить результаты, которые не озвучивались ранее в историографии (перечислены в выводах).

Основные положения, выносимые на защиту

1) Данные ассирийской просопографии дают возможность проследить распространение культа во всех слоях населения страны. Кроме того, ономастика предоставляет древнейшие свидетельства появления культа Набу в Ассирии: первым свидетельством является не строительство храма в Ашшуре Салманасаром I (XIII в. до н.э.; существование данного храма находится под вопросом), а появление носителей имен с теофорным компонентом «Набу» при Эриба-Ададе I либо Ашшур-убаллите I (XIV в. до н.э.). В Новоассирийский период выделяют несколько этапов распространения имен с теофорным компонентом «Набу»: правление Адад-нерари III; правление Синаххериба; правление Ашшурбанипала. Во времена Саргона II в Кальху имена с теофорным компонентом «Набу» были распространены, прежде всего, среди военнотружущих. Это может говорить о том, что одним из важнейших путей проникновения культа Набу в Ассирию являлись военные походы ассирийских царей в Вавилонию.

2) Данные изобразительных источников также позволяют судить о распространении культа в ассирийском обществе. Символ Набу появляется на цилиндрических печатях не в случайном порядке, а в контексте определенных сюжетов. Наиболее часто он встречается на печатях со сценами священного древа, предстояния перед богиней в *меламму*, предстояния перед сидящей богиней / богом. В нашем каталоге подавляющее большинство печатей принадлежит рядовым владельцам, а не важным сановникам. Символ Набу довольно редко появляется на печатях с нестандартными и редкими сюжетами, которые могли изготавливаться на заказ. Возможно, из этого следует, что символ Набу был распространен скорее в определенной среде населения (вероятно, не принадлежавшей верхушке общества), представители которой покупали заранее изготовленные печати. На них могли наноситься дополнительные символы согласно пожеланию покупателя.

3) В текстах, посвященных Набу, наиболее распространенными являлись следующие характеристики и эпитеты: божество письменности, мудрец (здесь проявляется его связь с Эа), сын Мардука и Царпаниту, хранитель таблицы судеб. На втором месте следует роль возвышенного царя, первого из богов, создателя (возможно, эти функции заимствованы у Мардука), а также божества, к которому обращаются люди за покровительством, защитника людей. Наибольшее количество просьб связано именно с продлением жизни / откладыванием смерти /

спасением жизни / приданием жизненной силы. Менее распространенными были эпитеты, связывавшие Набу с другими божествами. В позднее время он стал отождествляться с Нинуртой, имел много общего с Эа, Шамашем, Сином, Энзагом, Муати. Отождествление Набу с дильмунскими божествами Энзагом и Муати (?), которое, скорее всего, имело место еще во II тыс. до н.э., могло быть причиной появления у Набу сельскохозяйственных функций божества плодородия, растительности и ирригации (возможно, вместе с его синкретизацией с Нинуртой). Начиная со времени Асархаддона Набу характеризуется как божество, дающее царскую власть и сопутствующие ей регалии.

4) Священный брак между Набу и Ташмету являлся частью ритуала *акиту* Набу в Кальху. Во время этого ритуала в саду проходил праздник с жертвоприношениями от жрецов и учеников жрецов всех храмов, что сближает его с древним праздником *эишешу*. Поскольку праздники *эишешу* изначально были связаны со сменой лунных фаз на протяжении месяца, то связь Набу с лунным божеством гораздо глубже, чем казалась на первый взгляд. Комплекс дополнительных помещений храма Набу в Кальху мог являться домом (точнее, домами) *акиту* (как уже предполагал Н. Постгейт), где проходил ритуал священного брака между Набу и Ташмету. Можно также предположить, что часть помещений в дополнительных комплексах храмов Набу отводилась под *бит мумму*, где проводились ритуалы отвращения и омоложения уст статуй. Сам Набу мог являться не только покровителем писцов, но и ремесленников, изготавливавших статуи божеств. Таким образом, в Ассирии Набу воспринимался как божество, дарующее жизнь как людям и статуям, так и природе в целом.

5) Некоторые источники свидетельствуют о двойственности восприятия образа Набу в Ассирии. Например, ритуал *такульту* говорит о вавилонской (Набу и Набу *ша харе* – незначительной важности) и ассирийской (?) ипостасях бога (Набу храма Бел-лабрии). Ордалия Мардука не рассматривает Набу как виновное божество или сообщника Мардука. В представлении ассирийцев культ Набу, хотя и пришедший в Ассирию из Вавилонии, четко отделялся от культа Мардука.

6) Культ Набу, по меньшей мере, в определенное время (VII в. до н.э.) был связан с царскими детьми и, прежде всего, с ассирийским престолонаследником. Ашшурбанипал, еще будучи царевичем, участвовал в ритуальной жизни храма Набу в Кальху. Хотя связь с Набу прослеживается не только у Ашшурбанипала, но и других царских детей, все источники датируются временем его пребывания в роли престолонаследника, либо царя.

7) В Среднеассирийский период и вплоть до правления Тиглатпаласара III культ Набу завоевывал место в религиозной жизни Ассирии и в определенной степени зависел от курса политики царя в этой сфе-

ре. Показательно, что в последующий период враждебная либо доброжелательная политика ассирийских царей в отношении Вавилонии и самого культа существенно не влияла на уровень его высокой популярности в обществе. Это ярко подтверждается данными просопографии на фоне «негативной» политики Синаххериба и «позитивной» Асархаддона.

Научная и практическая значимость диссертации заключается в том, что она может служить основой для последующей работы многих исследователей. Материалы первоисточников, содержащиеся в настоящем исследовании, впервые переводятся на русский язык с аккадского, анализируются и вводятся в отечественный научный оборот. Автором был составлен каталог печатей и оттисков (с включением неопубликованных ранее памятников), который может быть использован при изучении символики на новоассирийских цилиндрических печатях. Каталог печатей с установленным провенансом может также служить подспорьем в вопросе проведения аналогий для экземпляров с неизвестным происхождением. Списки персоналов Храма Набу и Нинурты будут полезны для ученых, занимающихся разнообразными вопросами функционирования ассирийских храмов. В целом, полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания курсов и написания учебных пособий по истории религии Древней Месопотамии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в докладах на различных научных конференциях, в их числе Сергеевские чтения, Дьяконовские чтения, конференция «Ломоносов», коллоквиум университетов Лейпцига и Йены, симпозиум “Religion and ritual” в Нью-Хейвене, 65e Rencontre Assyriologique Internationale в Париже.

Автор опубликовал некоторые из результатов своего исследования в форме статей в различных рецензируемых журналах, список которых приведен в конце автореферата.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, посвященных различным проблемам; главы разделены по принципу типа источника и тематически (просопография, иконография, письменные источники, археология и ритуал, персонал храмов и хозяйственная деятельность, распространение культа), заключения, библиографии и списка сокращений.

В основной части диссертации есть 9 таблиц, 6 графиков и 38 диаграмм. К каждой из шести глав имеются приложения (таблицы с распространением в Ассирии имен с теофорным компонентом «Набу»; каталоги цилиндрических и штамповых печатей; сводные таблицы символов на печатях; переводы текстов; планировки храмов Набу; список персонала храма Набу). Объем диссертации составляет 336 страниц, общий (с приложениями) – 485.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, хронологические рамки, формулируются цель и задачи, освещается методологическая и теоретическая основа исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, раскрывается научная новизна, перечисляются положения, выносимые на защиту, устанавливается теоретическая и научно-практическая значимость диссертации, описываются её апробация и структура, приводится характеристика источниковой базы исследования, дается обзор мировой историографии исследуемого вопроса.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Культ Набу в Ассирии по данным просопографии» посвящена изучению просопографических данных Среднеассирийского и Новоассирийского периодов. В **первом параграфе** «Просопография Среднеассирийского периода» рассматриваются различные вопросы, касающиеся данной темы: ономастикон, профессии, патронимы и родственные связи носителей имен с теофорным компонентом «Набу». **Второй параграф** «Новоассирийский период» содержит комплексный анализ ситуации в просопографии данного периода: ономастикон, профессии, патронимы и родственные связи носителей имен с теофорным компонентом «Набу», распространение интересующих имен в различных городах, в различные отрезки времени, корреляция распространения таких имен с царскими правлениями и городами. В результате автор приходит к следующим основным выводам:

- Именно просопография предоставляет первое свидетельство бытования культа Набу в Ассирии. Появление имен с теофорным компонентом «Набу» относится к XIV в. до н.э. (Эриба-Адад I или Ашшур-убаллит I), а не к XIII. Ранее считалось, что появление подобных имен связано со строительством храма Набу в Ашшуре Салманасаром I.

- Динамика распространения имен с теофорным компонентом «Набу» в ассирийском обществе была довольно неравномерной. Для нее характерны периоды внезапного роста популярности при том или ином правителе. Для Среднеассирийского времени можно охарактеризовать как «период роста» правление Салманасара I, что может быть использовано в качестве аргумента в пользу строительства храма Набу в Ашшуре. В Новоассирийский период имена с теофорным компонентом «Набу» становятся неотъемлемой частью ассирийского ономастикона, лишь начиная с Адад-нерари III (22 человека в источниках). Автору удалось выделить несколько этапов их распространения. Они характеризуются наиболее выраженными периодами роста количества имен с релевантным компонентом в Ассирии:

- 1) правление Адад-нерари III;
- 2) правление Синаххериба;
- 3) правление Ашшурбанипала.

- Профессиональная принадлежность носителей имен с компонентом «Набу» является важнейшим параметром, по которому можно судить о распространении культа в определенных социальных слоях. Совершенно естественно, что в целом на протяжении Новоассирийского периода подобные имена были распространены, в первую очередь, среди писцов, жрецов и ученых. С Тиглатпаласара III они обретают популярность у чиновников и военнослужащих. Важный процесс был запущен в период правления Синаххериба: наконец имя распространяется среди рядового населения (ремесленников и земледельцев).

При Саргоне II наблюдается интересное явление: рост популярности имен с теофорным компонентом «Набу» среди военнослужащих из Кальху. Это могло быть связано с военными походами в Вавилонию самого Саргона и его предшественника Тиглатпаласара III в совокупности с благоприятной обстановкой для культа в государстве, созданной еще отцом Тиглатпаласара III Адад-нерари III.

ВТОРАЯ ГЛАВА «Символ Набу в ассирийском изобразительном искусстве» посвящена исследованию символики Набу на различных изобразительных источниках (печатах, стелах, рельефах и прочих памятниках). Автором был составлен большой каталог изображений символа бога Набу (либо божества в антропоморфном облике) в глиптике и скульптуре (приложение к главе II). В **первом параграфе** кратко описываются внешний вид и различные типы символа Набу. Во **втором параграфе** обсуждается проблема существования символа Набу в изобразительном искусстве Среднеассирийского периода. В **третьем параграфе** проводится анализ данных новоассирийской глиптики (как цилиндрических печатей, так и штамповых). Диссертант рассматривает разнообразные сюжеты цилиндрических печатей (как с установленным провенансом, так и без провенанса), в контексте которых встречается символ Набу: священное дерево, сцену адорации перед сидящим на троне божеством / символами божеств (Набу и Мардука, дракона с символами, Сина Харранского) / различными стоящими божествами, сцену с лучником, сцену либации, редкие и нестандартные сюжеты. Автор рассматривает также сопровождающие стиль Набу в различных сюжетных контекстах цилиндрических печатей символы и персонажей. Кроме того, затрагиваются вопросы о владельцах и пользователях печатей с символикой Набу, посвящениях печатей Набу, а также сюжетных особенностях печатей, найденных в храмах Набу. В **четвертом параграфе** диссертант рассматривает символ Набу в ассирийской скульптуре, а в **пятом** – его появление на всех прочих носителях. В результате автор приходит к следующему выводу: символ Набу появляется на ассирийских памятниках, по всей видимости, не ранее Новоассирийского периода.

Диссертант отмечает, что на основании исследованного материала можно сделать предварительные выводы о закономерностях появления символа Набу в ассирийской глиптике: наиболее часто он встречается в контексте сюжетов «священное дерево», «предстояние перед богиней в *меламму*», «предстояние перед сидящей богиней / богом». Эти сюжеты являются стандартными для ассирийской глиптики. Поскольку символ Набу встречается довольно редко в контексте печатей с нестандартными сюжетами, изготовливавшихся на заказ, а также среди принадлежавших важным сановникам (хотя существует мнение, что печати со сценой либации могли быть характерны для придворных), можно предположить, что он был распространен в определенной среде населения, вероятно, не принадлежавшей верхушке общества, и был крайне популярен как личное божество в I тыс. до н.э.

Диссертант указывает, что на данный момент не представляется возможным говорить о тесной взаимосвязи Набу с каким-либо божеством, находящимся в центре того или иного сюжета печати. По всей видимости, подобные печати изготовливались мастерами заранее, однако на них могли наноситься дополнительные символы согласно желанию покупателя. С другой стороны, связь Набу с Иштар в божественном сиянии может объясняться некоторыми письменными источниками. Из надписей Син-шарру-ишкунна известно, что уже к периоду его правления Набу в Ашшуре почитался в храме Иштар по причине ветхости своего святилища. Также из текста молитвы Ашшурбанипала [K 1285] становится ясно, что царь обращался к Набу, находясь в храме Иштар Ниневийской.

Композиция «священное дерево» может указывать на некую ритуальную взаимосвязь между ее элементами: символами Набу и Мардука (божеств, которым посвящались праздники *нубатту* и *эишецу*) и солнечным диском над священным деревом, связанным с очистительными ритуалами круга Шамаша. Все это напоминает охранительный ритуал, описанный в тексте KAR 65, когда заклинатель обращается к Шамашу и Набу одновременно.

Более масштабное исследование о систематике появления символов в контексте различных сюжетов цилиндрических печатей должно основываться на обширном иконографическом материале, включающем в себя максимально возможное количество памятников. По мнению диссертанта, это может стать задачей будущих исследований.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Набу в письменной ассирийской традиции» посвящена исследованию образа Набу, сложившегося в Ассирии, и функциям этого бога (на основании ассирийских источников по происхождению, либо известных в Ассирии в копиях). В **первом параграфе** «Гимны, молитвы и литературные тексты» диссертант дает краткое описание посвященных божееству литературных произведений,

а также исследует образ и функции божества в Ассирии (в том числе функцию божества растительности и плодородия), анализируя сохранившиеся в письменных источниках эпитеты. Автор рассматривает связи Набу с другими божествами, отраженные в ассирийских текстах (прежде всего, с Эа, Сином, Шамашем, Муати, Энзагом, Нинуртой). Во **втором параграфе** «Посвяtitельные надписи» диссертант кратко рассматривает данный вид источника. В **третьем параграфе** «Царские надписи и международные договоры» автор исследует роль Набу в религиозной политике ассирийских царей. **Четвертый параграф** «Прочие источники» посвящен изучению данных таких источников, как списки богов, письма, колофоны и литургические произведения. Диссертант приходит к следующим выводам:

- с одной стороны, для Набу продолжают быть характерными некоторые вавилонские эпитеты, связывавшие его с отцом Мардуком и матерью Царпаниту, а также стандартные эпитеты Набу как божества письменности и мудреца, с другой стороны, появляются новые характеристики, ставшие важнейшими в Новоассирийский период: Набу как хранитель таблицы судеб; великий царь (иногда создатель вселенной); заступник и покровитель людей, к которому они обращают свои молитвы. Не позднее времени правления Ашшурбанипала появляется представление о Набу как о боге, продлевающем жизнь и отдаляющем старость [К 1285 7-10]. Возможно, именно в этот период возникает большое количество текстов, содержащих просьбы такого характера (о спасении жизни, придании жизненной силы, возвращении здоровья).

- Известны тексты, в которых проводятся параллели между Набу и другими великими богами, например, Нинуртой, Эа, Шамашем и Сином. По всей видимости, Набу ассоциировался с Эа, поскольку являлся его внуком (Набу-наследник *Ансу*); информации об отождествлении Набу с Эа в источниках нет.

- Наиболее широко было распространено отождествление Набу с Нинуртой. Довольно много текстов, приписывающих подвиги Нинурты Набу, появилось в поздний период [SAA 3 38, 12-13; SAA 3 37, 19; 24-28].

- Одной из интереснейших особенностей Набу в ассирийских текстах является его связь с растительностью, плодородием и ирригацией [К 4902; KAR 25 II 27 слл.+]. Некоторые ученые считают, что причина этого – в отождествлении Набу с Нинуртой (а также идентичным ему Нингирсу), известным не только как бог-воин, но и как покровитель земледелия и скотоводства.

По мнению диссертанта, есть основания предполагать, что природа функции Набу как божества растительности и ирригации гораздо

древнее I тыс. до н. э.³⁷. Косвенно на это указывает источник (миф о 21 «примочке»), являющийся свидетельством его отождествления с Муати, связанным, по всей видимости, с культом Иштар (и через нее с Ду-музи). Также сельскохозяйственная функция Набу проявляется еще в списках богов II тыс. до н.э., в которых Набу отождествляется с дильмунскими богами Энгагом и Муати. Все это приводит автора к мысли, что связь Набу с растительностью и плодородием появляется еще во II тыс. до н.э. не только по причине синкретизации с Нинуртой, но и из-за сопоставления Набу с божествами Дильмуна. Более того, эта функция также представляется связанной с вышеуказанными характеристиками Набу как животворящего божества, наделяющего жизнью как людей и статуи божеств, так и природу в целом.

- Религиозная политика ассирийских царей в отношении культа Набу имела некоторые особенности. До времен Адад-нерари III Набу еще не считался божеством, способным повлиять на правление царя, и не появлялся в списках ассирийских богов. Основной контекст упоминания бога письменности – отношения ассирийского царя с Вавилонией, принесение жертв вавилонским божествам во время походов в эту страну. Смена настроения происходит в период правления Адад-нерари III, когда резко возрастает количество упоминаний Набу в царских надписях вне вавилонского контекста. Однако по-настоящему значимую роль в письменных источниках Набу начинает играть после Саргона II. Известный своей религиозной реформой Синаххериб пытался всячески нивелировать значение бога в пантеоне Ассирии: во многих надписях место бога писцов занимает Хайя, а единственным хранителем таблицы судеб становится Ашшур. Для источников Синаххериба также характерна реабилитация вавилонских должностей Набу: в одной из надписей он назван «визирем Ашшура» (^dAG SUKKAL AN.ŠĀR – ср. с вав. «визирь Мардука»). Однако во второй половине правления Синаххериба имя Набу довольно часто появляется в перечнях богов в надписях. Это наводит диссертанта на мысль, что анналистические тексты составлялись по определенным канонам, в то время как тематические реформаторские надписи (о храме *акиту*, об Ашшуре как о хранителе таблицы судеб) составлялись по инициативе и под строгим надзором царя. Имя божества обретает огромное значение в надписях Асархаддона и, тем более, Ашшурбанипала. Однако если при Асархаддоне вновь становится важным вавилонское происхождение Набу (поскольку царь хотел подчеркнуть благожела-

---

³⁷ Известно, что в Ассирии Нинурта сохранял свои черты вплоть до VIII в. до н.э., и только после этого стал передавать некоторые свои функции Набу (в частности бога, вручающего скипетр царю) [Annus A. Op. cit. P. 54].

тельный характер своей вавилонской политики), то для Ашшурбанипала Набу, по всей видимости, являлся личным божеством.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА «Ассирийские храмы Набу и ритуальные действия» посвящена изучению храмов Набу и ритуалов, в которых фигурировало данное божество. В **первом параграфе** «Археологические свидетельства и архитектура» приводится анализ данных об известных ассирийских храмах Набу (в Ашшуре (?), Кальху, Ниневии, Дур-Шаррукине). Во **втором параграфе** «Ритуалы и праздники при участии Набу» диссертант рассматривает различные ритуалы, проводившиеся в Ассирии: новогодний *акиту*, священный брак и праздник *акиту* Набу в Кальху, *такульту*, строительные ритуалы, охранительный ритуал для храма Набу, ритуал омовения уст и т.д. В **третьем параграфе** «Жертвоприношения и дары» автор анализирует информацию из источников, касающуюся данной темы. **Четвертый параграф** «Гемерология. Священные дни Набу» посвящен изучению праздничных дней Набу и феномена связи божества с древними праздниками *эшшешу*. В **пятом параграфе** «Культ Набу, престолонаследник и царские дети» рассматривается проблема взаимосвязи между Набу и царской семьей, в частности, ассирийским престолонаследником. В результате диссертант приходит к следующим выводам:

- некоторые тексты дают хорошую почву для размышления о взаимосвязях между Набу, Мардуком, Сином и Шамашем. Речь идет как о молитвенных текстах и культовых комментариях, так и о текстах, содержащих информацию о праздниках *эшшешу*. Набу, очевидно, был связан как с Сином, так и с Шамашем, и связь эта была очень древней и глубокой, что отражено в принципах проведения праздников *эшшешу*. Однако сказать, что Набу отождествлялся с солнечным или лунным божеством не представляется возможным.

Праздники *эшшешу*, ассоциировавшиеся в древности с лунным циклом, в I тыс. до н.э., согласно гемерологическим сборникам, стали днями, посвященными Набу. Объяснить, почему «лунные» праздники стали ассоциироваться именно с Набу, по нашему мнению, может текст KAR 65, описывающий охранительный храмовый ритуал, совершавшийся в дни *эшшешу*. Ответ может заключаться в появлении у него еще во II тыс. до н.э. функции божества плодородия, возможно, по причине древней связи Набу с дильмунскими божествами. Известно, что в Месопотамии лунный цикл связывался с менструальным циклом и плодородием. Переход праздников *эшшешу* от Сина к Набу можно отразить в следующей цепочке: древние праздники *эшшешу* – лунный цикл (Син) – плодородие – растительность (Энгаг и Муати (?)+ Нинурга) – Набу.

- Набу участвовал, либо упоминался в контексте следующих ритуалов в Ассирии: ритуал *акиту* в Кальху (священный брак между Набу и

Ташмету); праздники *эшишешу* (плюс охранительный ритуал в дни *нубатту*, *эшишешу*, *акиту* Набу); *такульту*; строительный ритуал *намбурбу*, совершавшийся перед закладкой храмового фундамента или террасы; ритуалы храма Иштар Арбельской (*акиту* Иштар Арбельской); новогодний ритуал-*хару* (?); ритуал омовения уст; ритуалы, сопровождавшие произнесение молитв *шуилла*. Роль Набу в празднике новогоднего *акиту* в Ассирии остается неясной. Возможно, она сводилась лишь к участию в вавилонском ритуале, который проводили в Вавилоне некоторые цари Ассирии (Саргон II).

- Нельзя утверждать с полной уверенностью, что все известные планировки храмов Набу в Ассирии являются абсолютно идентичными и подразумевают совершенное тождество проводившихся в них ритуалов. Лишь один храм в Ассирии может претендовать на звание главного центра культа Набу в Ассирии – храм Набу в Кальху. Этот статус мог быть связан с личными отношениями между ассирийским престолонаследником (а также царскими детьми в целом) и божеством. Ритуал *акиту*, который, судя по всему, был посвящен царевичу и проходил либо под его контролем, либо под контролем его заместителя, имел место именно в Кальху.

- Благодаря тексту KAR 65, не использовавшемуся ранее при анализе ритуалов, связанных с Набу, диссертанту удалось показать, что именно ритуал *акиту* Набу в Кальху включал в себя священный брак между Набу и Ташмету. Во время ритуала проходил праздник с жертвоприношениями от жрецов и учеников жрецов всех храмов, что может являться отличительной чертой праздника *акиту* именно этого божества. Диссертант выражает согласие с предложенной Н. Постгейтом интерпретацией дополнительного комплекса помещений храма Набу в Кальху как домов *акиту*. Она подтверждается также косвенными данными, представленными в текстах KAR 65 и CTN 3 95. При сравнительном изучении текстов KAR 65 и SAA 56, 70, 78 было выяснено, что спальня, в которой проходил священный брак, располагалась в одном из помещений дополнительного комплекса («домов *акиту*»).

Поскольку предназначение «тронного» зала для ритуальных интимных действий подтверждается наличием комнаты для переодевания и ванной (NTS 3 и 4), то есть некоторые основания предполагать, что спальня божеств располагалась именно в этом помещении. Из письменных источников известно, что во время проведения ритуала священного брака инспектор храма Набу находился где-то рядом. Возможно, трон предназначался для царевича, который должен был сопровождать ритуалы Набу. Если он не мог присутствовать, вместо него там находился инспектор храма, скорее всего, приехавший из Ниневии. Существует также и другое объяснение: помост, на котором

размещался гипотетический трон, мог на самом деле являться площадкой для размещения «кровати» божеств.

- Комплекс *акиту* в храме Кальху появляется только лишь во время правления Асархаддона³⁸. Несмотря на то, что Саргон построил большой храм Набу в Дур-Шаррукине, сакральные зоны в нем размещены совершенно иначе; с этим был согласен и сам Н. Постгейт, выдвинувший теорию о расположении домов *акиту* во всех храмах Набу в Ассирии³⁹. Вероятно, это связано с иной трактовкой проходивших в нем ритуалов. Возможно, концепция ритуала *акиту*, описанная в письмах SAA 13 56, 70, 78, появилась лишь во время правления Асархаддона, что и выразилось в пристройке к основному храму в Кальху комплекса *акиту*.

- Вопрос о последовательности событий во время проведения ритуала *акиту* в Кальху по большому счету остается спорным. Если предположить, что все письма говорят о ритуале, который совершался в один и тот же год, то можно предложить следующую реконструкцию событий. Третьего числа месяца *Аййару* (II) в спальне богов устанавливали кровать. С четвертого на пятое число проходила брачная ночь Набу и Ташмету (боги вступали в спальню вечером четвертого числа). Пятого числа Набу на время покидал спальню и выходил в сад для участия в большом празднике с жертвоприношениями, посвященном ассирийскому царевичу. После этого бог возвращался в спальню и оставался там с Ташмету с пятого по десятый дни. Инспектор храма находился где-то рядом, возможно, непосредственно в спальне богов. Он также должен был обслуживать гостей на царском пире, который устраивали на пятый день. Во дворец приносили ритон с протомой в виде львиной головы и предмет-*таллакку*, возможно, для проведения царских ритуалов и жертвоприношений. Кроме того, жрец Набу приносил жертвоприношения от царских детей непосредственно в спальне богов в один из дней с пятого по десятое число. На одиннадцатый день Набу выходил в игровой парк (*амбассу*), «вытягивал ноги» и убивал диких быков. Затем бог возвращался на свое привычное место в храме.

В то же время нельзя исключать версию, что письма SAA 13 56 и 70 говорят о ритуале, имевшем место в одном году, а SAA 13 78 – в другом, например, в следующем⁴⁰. Об этом свидетельствует также и разница адресатов (царь в первых двух письмах и царевич в третьем).

---

³⁸ Известно, что основная часть храма с целлами Набу и Ташмету уже существовала в период правления Адад-нерари III, комплекс *акиту* мог быть более поздней пристройкой [Oates D. Ezida: the temple of Nabû // Iraq 19 (1957). P. 31].

³⁹ См. его сравнительное описание сакральных зон храмов Набу в Кальху и Дур-Шаррукине [Postgate N. The *bit akiti*... Pp. 54-55].

⁴⁰ Barcina C. The conceptualization of the *akitu* by the Sargonids: some reflections // State archives of Assyria bulletin XXIII (2017). P. 118.

В таком случае мы имеем дело с изменениями в ритуале, вызванными ростом значения фигуры царевича для проведения ритуалов Набу. Однако данный вопрос не может быть разрешен с помощью известных на сегодняшний день источников.

Что касается любовной песни Набу и Ташмету, то, по мнению диссертанта, она описывает тот же ритуал, что и письма SAA 13 56, 70, 78, только с несколько иной позиции. Это произведение представляется поэтическим переосмыслением происходящих во время ритуала событий. Более того, песнь может отражать и даже объяснять некоторые видоизменения ритуала в поздний период (появление трона Ташмету в собрании и выход из спальни Ташмету вместе с Набу). Вопрос о возвышении Ташмету при Ашшурбанипале требует дальнейшего изучения.

- Вопрос о взаимосвязи между праздниками и церемониями *акиту* Набу, *эшишешу* и *нубатту* на настоящий момент один из самых сложных, он требует дальнейшей разработки. Было выяснено, что существует тесная взаимосвязь между вышеуказанными праздниками, ритуалом *акиту* Набу и охранительным ритуалом [KAR 65].

По всей видимости, концепция ритуала *акиту* Набу основывалась на концепции праздников *эшишешу*. Должно быть, праздники *эшишешу* в Ассирии, как и когда-то в Шумере, являлись праздниками всех святилищ, однако теперь были связаны ритуалом *акиту* Набу. Возможно, именно поэтому в день *акиту* в праздновании участвовали все городские боги, в чьих храмах также проводились культовые обряды до участия в процессии, а во время самого праздника происходили массовые жертвоприношения учеников жрецов, предположительно, всех храмов города Кальху. Довольно интересно, что жертвоприношения совершались учениками, поскольку и сам праздник был посвящен ассирийскому царевичу, человеку, обучающемуся искусству управления государством (параллели царь – жрецы; царевич – ученики жрецов).

- Поскольку известно, что Эа был покровителем ритуала омовения уст, то эта деталь, а также некоторые письменные источники могут указывать на то, что в дополнительном комплексе помещений храма Набу в Кальху располагалась мастерская *бит мумму* для изготовления и реставрации статуй божеств и проведения ритуала отвращения и омовения уст для «оживления» статуй. Возможно, появление вышеописанных эпитетов божества, наделяющих его способностью продлевать жизнь и возвращать жизнь трупам, может быть связано именно с тем, что Набу был ответственным за проведение ритуала «оживления» статуй богов. Это также могло бы объяснить, почему храм Набу в Кальху был украшен статуями различных апотропейных существ, связывавшихся с Эа (*анкаллу*, козел-рыба, человек-рыба).

Вышесказанное относится, прежде всего, к храму в Кальху, однако может распространяться и на все остальные храмы Набу. Таким обра-

зом, бог являлся покровителем не только писцов, но и ремесленников, изготавливавших статуи, наделяя скульпторов способностью «вдыхать жизнь» в «тела» божеств. *Бит мумму* должен был состоять из двора с воротами цистерны (колодца) и двух прилегающих к нему комнат (с запада и с востока). Автор предлагает отождествить их с двором в северной части комплекса, где предположительно размещались ворота цистерны, и комнатами NTS 6 (западная) и NTS 7 (восточная) в храме Набу в Кальху.

- Установлено, что как минимум со времен Асархаддона культ Набу был связан с царевичем и царскими детьми в целом. Выше уже говорилось о том, какую важную роль престолонаследник играл в проведении ритуала *акиту* Набу в Кальху. Возможно, такое возвышение культа было связано с тем, что Набу являлся личным богом Ашшурбанипала, а также имел функциональное сходство с царскими детьми (Набу сам являлся сыном главы пантеона, богом-наследником).

ПЯТАЯ ГЛАВА «Хозяйственная деятельность и персонал храмов Набу» посвящена рассмотрению состава персонала храмов Набу (в частности, жрецов) и хозяйственной деятельности храмов (выдача зерновых кредитов). Был составлен список людей, входивших в состав персонала храма Набу в Кальху (приложение к главе V). В **первом параграфе** «Персонал храмов Набу» диссертант рассматривает фигуры жрецов Набу. Во **втором параграфе** «Связи между жречеством храмов Набу и Нинурты в Кальху» анализируются источники, содержащие информацию об участии жрецов Набу в сделках храма Нинурты и наоборот, а также совместное участие жрецов в сделках третьих лиц. В **третьем параграфе** «Хозяйственная деятельность храма Набу» диссертант обсуждает как вопросы экономической деятельности храма (выдача кредитов зерном, принятие штрафов от лиц, не соблюдавших условия договоров), так и вопрос о возможности размещения в храме Набу особой конюшни для лошадей ассирийской армии. В результате диссертант приходит к следующим выводам:

- сохранилось большое количество докетов – долговых расписок – с записями количества взятого в долг зерна жителями Кальху, однако почти нет источников об операциях храма Набу с металлами. Возможно, это связано с тем, что храм Набу специализировался на выдачах зерновых кредитов именно по причине ритуальной связи Набу с плодородием и растительностью: источники говорят об особом статусе тока (места, где обрабатывалось зерно после сбора) для культа Набу. К примеру, после ритуала священного брака (который также может быть интерпретирован как способ поднять уровень плодородия в стране) Набу должен был выйти с тока «дворца» в сад, где проходил праздник в честь царевича с совершением жертвоприношений. Зерно, взятое у храма в кредит, также должно быть возвращено на ток. Кроме того, в

храм поступало большое количество зерна в качестве регулярных приношений *гину* и *ацуду*, которое также служило источником для выдач зерновых кредитов.

- Вопрос о взаимоотношениях персонала храма Набу в Кальху с персоналом храма Нинурты в Кальху (и вообще взаимодействий между жрецами различных храмов одного города) требует дальнейшего изучения. Источники говорят о тесных связях жречества храмов Набу и Нинурты в Кальху во время правления Ашшурбанипала и в более поздний период. Жрецы Набу и Нинурты выступали свидетелями друг для друга при проведении различных храмовых операций. Возможно, такие тесные связи между двумя храмами должны предполагать и общность проводимых в них ритуалов, либо наличие родственных связей между их служителями. Однако данное предположение невозможно подтвердить с помощью имеющихся на сегодняшний день источников.

ШЕСТАЯ ГЛАВА представляет собой обобщение материала в хронологическом порядке для облегчения восприятия общей картины распространения культа Набу в Ассирии и состоит из **шести параграфов**, посвященных определенным вехам в истории этого процесса («Среднеассирийский период», «Новоассирийский период. IX в. до н.э.», «Правление Адад-нерари III», «VIII в. до н.э. После Адад-нерари III», «Набу при Синаххерибе», «Время потомков Синаххериба: Асархаддон и Ашшурбанипал»).

В данной главе диссертант попытался разграничить официальную доктрину, выраженную в источниках царского происхождения (царские надписи, международные договоры, стелы, скальные рельефы, строительство храмов Набу), и «народный» культ, отразившийся в источниках массового характера (глиптика, данные просопографии). В Среднеассирийский период просопографические данные предшествуют источникам, свидетельствующим об интересе к культу ассирийских царей. Это может означать, что изначально культ Набу носил характер «народного» (т.е. проникал в Ассирию не с помощью пропаганды царей или жрецов). Впоследствии официальный и «народный» культы довольно долго и мирно сосуществуют. В IX в. до н.э. появляется большое количество цилиндрических печатей с изображением символа Набу (еще один массовый источник), что свидетельствует о его интеграции в контексты различных сюжетов ассирийской глиптики и изобразительного искусства в целом. Взаимозависимость официальной поддержки культа царем и его популярности в обществе продолжалась вплоть до периода династии Саргонидов. Особенно следует отметить Синаххериба, который в отличие от своего отца Саргона II не благоволил божеству письменности. С другой стороны, культ Набу прочно закрепился в среде рядового населения (в том числе в среде ремесленников и земледельцев) к правлению Синаххериба, в это время

даже наблюдается очередной период роста популярности имен с теофорным компонентом «Набу». Текст ритуала *такульту* Синаххериба, возможно, показывает, по какому пути должна была идти религиозная мысль того времени для того, чтобы сгладить одиозный характер вавилонских божеств: Набу мог восприниматься в двух ипостасях: вавилонской (Набу и Набу *ша харе* – незначительной важности) и «ассирийской» (?) (Набу храма Бел-лабрии). При Асархаддоне, стремившемся подчеркнуть свою благосклонную политику в отношении Вавилонии, численность носителей имен с теофорным компонентом «Набу» осталась приблизительно на том же уровне, что и при Синаххерибе. Таким образом, можно сказать, что враждебная, либо доброжелательная религиозная политика ассирийских царей по отношению к вавилонским божествам в определенный момент перестала серьезно влиять на уровень популярности культа в обществе.

Также в этой главе диссертант рассмотрел историю и динамику распространения культа Набу в Ассирийском государстве в хронологическом порядке на основании всех типов источников, которые поддаются датировке. Результаты этой работы наглядно отражены в большой сводной таблице (приложение к гл. VI).

В **заключении** диссертации подводятся итоги предпринятой работы, формулируются финальные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации представлены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Ясеновская А.А. Семь цилиндрических печатей из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина с изображением символа Набу // Вестник древней истории 78/3 (2018). С. 665-679.

2. Ясеновская А.А. Набу как божество растительности согласно ассирийской письменной традиции // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 5 (2018). С. 3-16.

3. Ясеновская А.А. Роль данных ономастики и просопографии Среднеассирийского периода в поиске истоков вавилонского культа Набу в древней Ассирии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001862-7-1> (дата обращения: 30.12.2018).

В прочих изданиях:

4. *Ясеновская А.А.* Плакетка ВМ 118796 с посвящением богу Набу. Вопросы датировки // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» [Электронный ресурс]. – М., 2014. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см.